

**Станислав
ПРОШУТИНСКИЙ**

г. Петрозаводск

(Из воспоминаний Дмитрия МОСКАЛЁВА)

На одном из республиканских спортивных собраний 95-летний ветеран войны, труда и спорта Дмитрий Александрович Москалёв буднично и просто вспомнил о своём вхождении в мир спортивной пулевой стрельбы после семи месяцев пребывания в тыловых госпиталях 1944 года.

– Можно сказать, что петрозаводские стрелки из малокалиберных винтовок тренировались за оградой моего дома в пойме реки Неглинки на временном самодельном стрельбище. Однажды я пошел туда за ключевой водой. Там в это время занималась стрелковая команда ОСОАВИАХИМа. Пригласили меня «попробовать». Я «попробовал» – выбил 45 очков из 50 возможных и был принят в команду.

После «загородного посвящения» фронтового лейтенанта Москалёв успешно выступает на стрельбищах страны, стреляя из малокалиберных и боевых винтовок, револьвера «Наган», пистолета «ТТ», и входит в сборную республики с 1946 по 1958 год.

Первое крупное испытание состоялось под Москвой 5-9 сентября победного 1945 года на 6-х всесоюзных стрелковых соревнованиях ОСОАВИАХИМа, где карельская команда заняла 12-е место, в которой рядом с Дмитрием выступали: его родная сестра Галина (в замужестве – Андерсон), прославившаяся победой среди школьников России ещё в довоенном 1939-м и ставшая позднее заслуженным и орденоносным директором 10-й средней школы Петрозаводска; боевой офицер Владимир Киселёв, первый в Карелии мастер спорта СССР по стрельбе и создатель Музея карельского спорта, а также трое других стрелков, имён которых наш герой за давностью лет уже не помнит.

Уже в 1947 году Дмитрий Москалёв был награждён именной малокалиберной винтовкой за высокие стрелковые результаты, которую в дальнейшем подарил 10-й средней школе.

Заметной вехой на пути карельских стрелков стало первенство СССР 1950 года.

В течение августовской декады они сражались с первоклассными советскими снайперами, набираясь необходимого опыта и вдохновляясь пламенной установкой вождя.

Следующий рубеж – Спартакиада народов СССР 1956 года, и Дмитрий Москалёв среди её участников, отстаивающих достоинство Карелии.

Его многолетнюю стрелковую практику можно попытаться куплетом карельского самобытного поэта:

*Не каждый Чемпионом стал
И Мастером не каждый.
Но каждый многое познал,
Кто в спорт пришёл однажды...*

РАДИО В ВАЗЕ

Родился Дима 2 октября 1922 года в Петрозаводске. Мама Зинаида – домохозяйка, папа Александр – инвалид труда без одной ноги. Тем же летом родители заложили свой дом в конце улицы Северной у самого обрыва к реке Неглинке. Плотницкая бригада днем работала в городе, вечерами у Москалёвых. Как только сделали сруб и кровлю, строители поселились в одной из комнат. Мама им готовила. Вскоре вселились и хозяева. Затем были построены баня, хлев с сеновалом, дровяник и даже ледник. Вокруг дома разбили сад и огород, палисадник с цветами. В саду посадили кусты, сделали клумбы. В огороде выращивали много овощей и картошки. В хозяйстве водились куры и даже коза, на чьём молоке вырос Дима и следующие детки: Галина, Александр и младшая Зоя.

Пришлось старшенькому крепко помогать семье. Летом пас коз, ходил с ними за железную дорогу в лесок. Там росла трава, молодые березки, осинки и даже земляника с куманикой. Обрат-но нес веники для бани. Вozил на сделанной папой тележке воду из речки для полива огорода и бани. За питьевой ходили к пожарному водоему на улице Сорокской или к родникам у реки. Помогал пилить и колоть дрова, рубить рейки для плиты. Ходил с папой в магазины за продуктами, отец же не мог носить тяжести.

Папа тогда работал в обществе инвалидов города, был очень инициативен и общителен, его хорошо знали многие горожане. У него был красивый почерк. Часто к нему обращались с различными просьбами: решить хозяйственную проблему, написать заявление, заполнить анкету...

Окрестные дома освещались керосиновыми лампами. По инициативе папы к домам подвели элект-

ричество. Внутреннюю проводку делали сами. Здесь Дима был первым папиным помощником: с азартом привинчивал ролики, натягивал провода не только себе, но и соседям по их просьбам.

Папа раздобыл самодельный детекторный приемник. С родственниками установили две высокие радиомачты, и в наушниках стало возможным слушать московское радио. Чтобы слышно было всем, на середину стола ставили стеклянную вазу. В нее опускали наушники – громкость становилась достаточной для всей семьи с приходящими соседями. С открытием в городе радиоузла на отдалённой улице появился репродуктор «тарелка». Вот в такой творческой напряжённо-трудовой атмосфереросло новое советское поколение.

ОТ МГИ ДО АПАТИТ

В 1930 году Диму отправили в первый класс. Учился с интересом к литературе, географии, математике, но не любил финский язык, о чём впоследствии сожалел. Много читал, часто по ночам – за это его поругивали родители. Как-то задали на дом прочесть довольно длинный рассказ, а потом на уроке изложить его содержание. Дима вдохновенно рассказывал целый час. Прозвенел звонок на перемену, но ребята не шелохнулись и просили продолжать. Закончилось увлекательное повествование лишь в конце перемены.

В школьных мастерских из фанеры и досок изготовили педальный автомобиль, который участвовал в праздничной демонстрации. Углубляя астрономические познания, ученики наблюдали за лунными и солнечными затмениями.

Пролетели «школьные годы чудесные», и с сентября 1937-го Дима студент первого курса железнодорожного техникума. Сначала занятия ему не нравились, но, когда пошли специальные дисциплины, увлекся. Полюбил черчение, геодезию.

Начальник техникума Павлов Иван Павлович, удивительный человек, сам поработавший непосредственно на транспорте, так интересно преподавал главный предмет – «Путь и путевое хозяйство», что не зная его было стыдно.

На практических занятиях по геодезии с нивелиром, теодолитом, угломером и другими инструментами Дима работал увлечённо. Многие студенты отлынивали, а ему эти навыки вскорегодились.

С началом финской войны техникум перевели на станцию Волховстрой, и Дима оказался далеко от родных, не могущих помогать ему деньгами. Поэтому приходилось ночами разгружать вагоны – особенно хорошо оплачивалась разгрузка угля.

Летнюю практику он проходил на станции Мга, когда частные пути и тупики, на которые, как правило, не было документации, передавались железнодорожникам. Её приходилось срочно готовить, и Дима принял в этом участие вместо летнего отдыха. Здесь и пригодилось умение владеть геодезическими инструментами. Получив большие для него деньги, Дима целый год обходился без родительских дотаций.

Зимняя практика – на станции Апатиты у дорожно-го мастера околота. Зима многоснежная, морозная. Снегозадерживающие щиты приходилось устанавливать в глубоких заносах. «Здесь я понял, что меня ожидает труд очень тяжелый и ответственный».

В мае 1941-го по окончании техникума Дмитрий получил назначение в Трест машинно-путевых станций Наркомата путей сообщения. Съездив в Москву, оформился на работу и, отказавшись от положенного отпуска, прибыл на станцию Янега в МПС-29. Это был состав старых двухосных вагонов, утепленных и приспособленных под жилье. В середине вагона стояла печка-«буржуйка», а по бокам отгороженные закутки с двумя койками и столиком. В составе также были вагоны – столовая, контора и баня.

Сначала Дима попросился в старшие путевые рабочие, но страшно уставал от чрезмерной тяжести. После нескольких недель его перевели на должность техника. Нужно было разобраться в проектной документации, сделать нивелировку существующего пути, определить, где и насколько его править, готовить документацию для сдачи инспектору по приемке работ. Дел хватало и днем, и вечером.

НЕЧАЯННЫЙ ШПИОН

22июня 1941 года в воскресенье Дима рано утром ушёл на рыбалку к ближнему озеру, но рыба ловилась плохо, и он вернулся. У дежурного по станции столпившиеся люди слушали сообщение о начале войны с Германией.

На станциях спешно организовывались «истребительные отряды» для борьбы со шпионами. Дима одним из первых угодил в «их лапы». Вёл нивелировку пути на станции Свирь. Нивелир на треноге, рабочий с рейкой на путях. Смотрит в трубу нивелира, записывает в блокнот цифры. Подходит «бдительный мент»: «Фотографируешь станцию, шпион!» – и уводит Диму в кутузку. Пока вызвали начальника, пока звонили в МПС-29, пока устанавливали истину – нечаянный «шпион» терпеливо ждал своего освобождения.

Вскоре МПС-29 разделили. Основную часть отправили под Архангельск. Звено из пяти ваго-

нов – в Черенцово (между Волховстроем и Тихвином) для строительства дополнительных путей и восстановления их после бомбежек, возложив техническое руководство на Дмитрия Москалёва.

Ночью прибыли на место, а утром над станцией появился вражеский самолет-разведчик, следом – бомбардировщик. Все прочь из вагонов и побежали к ранее вырытым «щелям»-укрытиям. «Свежий главный инженер» выскочил в тапочках. Они слетели с ног, и Дмитрий замешкался. Услышав вой бомбы, упал на землю. Впереди раздался взрыв. «Инженера» оглушило и присыпало землёй. Если бы не тормознувшие тапочки, оказался бы гораздо ближе к смерти...

Строить пути не пришлось – восстанавливали повреждённые, особенно на станциях Валя и Тихвин, подвергавшихся ожесточённым бомбёжкам.

Неожиданный приказ: свернуть работы и присоединиться к основной части МПС-29. За семь дней до оккупации Тихвина успели вырваться с опасного участка и соединиться со своими в Архангельске.

Предстояло проложить пути на причалах порта у Северной Двины, куда подходили английские и американские суда с продовольствием, вооружением, машинами, танками... Всё это извлекали на пирсы, перевозили на станцию, грузили на подвижной состав и отправляли по назначению.

Работы ежедневно контролировал знаменитый полярник Иван Дмитриевич Папанин. Рабочий день – 15 часов, питание отменное, но условия жёсткие. Морозы, а Двина не замерзала, сплошной туман – одежда покрывалась льдом.

Наконец построены ветка и два пути на пирсах, принятые путейцами Северной железной дороги. Подали первые вагоны, и грузы с кораблей пошли прямо в них! Папанин сердечно поблагодарил всех за самоотверженный труд.

Перед окончанием этих работ Дима дважды ходил в военкомат и просился на фронт, но получал резкий отказ: «Вы здесь нужнее!» Чуть позже ему объяснили, что у него «бронь» от призыва в армию, но предложили военное училище – школу младших лейтенантов.

Он согласился и, оставив диплом и часть вещей в МПС-29, прибыл в Великий Устюг, где в школьном здании размещалось эвакуированное из Петрозаводска Пуховичское пехотное училище.

Такие вот юнцы, вроде 19-летнего Димы Москалёва с красивым, как у папы, почерком, слали родным курсантские фото и готовились к смертельной схватке с врагом. «Мальчишки, мальчишки!!! Вы первыми ринулись в бой. Мальчишки, мальчишки!!! Страну заслонили собой...»

Дмитрий Александрович Москалев

ОТ КУРСАНТА ДО КОМАНДИРА

В классах двухъярусные деревянные настилы – «кровати», в коридорах – классные занятия. Курсантов переодели в военную форму, выдали ранцы, винтовки, противогазы, лыжи с палками. Всё на общих стеллажах – надо было точно помнить, что где лежит.

Зима. Отопление школы – дровяное. Дисциплина – железная. Питание – скудное. Нагрузки – шальные. Изматывающие пятикилометровые марш-броски до стрельбища в рыхлом глубоком снегу с винтовкой, противогазом и ранцем с тремя кирпичами. Очень мучительны ночные «тревоги»: быстро одеться, схватить оружие, ранец, противогаз, лыжи, выскочить на улицу, построиться, получив приказ, встать на лыжи и бежать выполнять его.

Отдыхали на классных занятиях, решая тактические задачи на ящиках с песком, где были обозначены реки, горы и объекты.

Особо следили за чистотой оружия. Если старшина после отбоя находил плохо вычищенную винтовку, поднимался весь взвод, а виновник при всех снова чистил оружие. Потом взвод шёл спать, а виновный получал «наряд вне очереди» – мыл полы в коридоре.

Дима учился безупречно, стрелял отменно, тактические задачи решал правильно, но разок схлопотал-таки «наряд вне очереди» за пререкания со взводным.

После экзаменов в мае 1942-го выпускникам присвоили воинское звание «младший лейтенант», выдали петлицы с «кубиками» и пятёрку наиболее смысленных отправили теплоходом в городок Слободское для обучения новобранцев в запасном полку. Дмитрия назначили командиром взвода военной части полка 34-й стрелковой бригады.

НЕПОСЛУШНЫЕ ЗЭКИ

Такая же бывшая школа, те же деревянные двухэтажные нары. В классе – взвод.

Первая партия призывников-новобранцев была солидной. Солдаты старше Димы на 10-15 лет, мужики послушные, серьезные. Учить их было легко и приятно. Он объяснил, что все, чему их научит, им пригодится на фронте. Очень не гонял. Правильно выполнили задание – отдыхай! На смотрах, часто устраиваемых начальством, взвод Москалёва был лучшим в батальоне. Сдружились. Закончилась учеба. Жалко было расставаться, но, несмотря на обоюдную просьбу, Диму на фронт с ними не отправили.

Вторая партия новобранцев состояла из досрочно освобожденных заключенных. С этими поначалу пришлось туго. Прибыли они ночью. Утром Дима вошёл в свой «класс». Все лежат на нарах. Приказывает:

– Выходи строиться!

А они:

– Никуда не пойдем!

Почувствовал командир, что у них есть вожачок. Походил, поговорил, посмотрел и понял, что все опасаются здорового мужика Костю. Вызвал того в коридор и объяснил, что если они не будут выполнять его приказы, то виновных снова отправят в тюрьму. Пообещал Косте, что назначит его своим помощником («помкомвзвода»). Снова зашел в «класс» и сказал: «Хватит саботировать, выходи строиться в столовую!» Недавние зэки стали выходить, а Костя подталкивать нерадивых. Построил. Внушил, что они находятся в армии и что здесь должна быть воинская дисциплина.

После столовой познакомился с каждым новобранцем, переписав в свой блокнот их фамилии, имена, отчества. Пояснил, чем они будут заниматься. И дело пошло.

Однако случился казус. Дмитрия назначили дежурным по батальону. С вечера в столовую завезли продукты. Ночь прошла спокойно, а утром кухня недосчиталась бачка с маслом. Дима – к Косте: «Выручай!» Через час бачок масла был на кухне, а воришка не выдан.

Занятия шли нормально. Дима показывал, как нужно маскироваться на местности, как вести наблюдение, передвигаться, ползать «по-пластунски». Говорил, что все это понадобится на фронте. Зэки иногда посмеивались, т.к. во многих делах были опытнее юного лейтенантика. Но теперь безотказно выполняли его требования и на смотрах не подводили. Перед отправкой на фронт звали его с собой, но им всем опять отказали.

УЧИСЬ ЛЮБОВАТЬСЯ ПРИРОДОЙ

Вместо фронта в апреле 1943 года Дмитрия командировали в Тушино под Москвой на курсы совершенствования командного состава. Там оказались капитаны, старшие лейтенанты, единственный младший – Москалёв.

Условия быта приличные. Комнаты на 4 человека. Питание, правда, не очень, зато за столами со скатертями, тарелками, ложками, вилками и даже ножами.

Тактические занятия проходили на местности под Москвой, куда выезжали на открытых машинах. В поездке, как всегда, разговоры между собой. Приехали, построились. Первый вопрос каждому: «Что видели во время движения?» Многие не смогли ответить. Дима сидел у борта грузовика, любовался природой, поэтому ответил точно. После этого «урока» все поняли, что офицеру нужно делать дорогой.

Бывали занятия и на песчаном ящике. Рассказывали о новых методах боевых действий, как наших, так и противника, новых видах оружия.

НА ИХ УЧАСТКЕ НЕМЦЫ НЕ ПРОШЛИ

После 4 месяцев обучения Москалёв направлен на Первый Белорусский фронт в только что освобожденный Ржев. Город был основательно разрушен. Ещё не сняты немецкие названия магазинов, улиц.

С передовой отвели для пополнения 335-й

стрелковый полк. Часть офицеров резерва распределили сразу. Командир полка предложил Москалёву стать его адъютантом, но Дмитрий вежливо отказался и получил назначение командиром первого взвода первой роты.

Пошел знакомиться. Треть солдат уже бывала в боях. Несколько «каалининских мужичков» намного взрослее его. Пополнен взвод новобранцами, часть – из Средней Азии, плохо понимающая русский язык. Вскоре полк погрузили в товарные вагоны и «литерным» поездом отправили в южном направлении.

На одной из крупных станций личному составу полка вручили винтовки, патроны, ракетницу, станковый пулемет «Максим», командиру – личное оружие – револьвер «Наган» с патронами. Приказано было проверить исправность оружия по ходу поезда стрельбой вверх. Забарахлил пулемет. Дима быстро разобрал замок, нашел причину отказа, и пулемет заработал – авторитет взводного возрос и позднее поддерживался даже тем, что он всегда ночевал со своими солдатами, хотя командир роты неоднократно пригласил в свою землянку.

Выгрузили полк недалеко от Киева и походным маршем повели через недавно освобожденный город по понтонному мосту на запад. Шли обходными дорогами ночью, днем отдыхали. Прошли дымящиеся Васильков, Белую Церковь, Тажков.

Ожесточенными боями завершили окружение Корсунь-Шевченковской группировки немцев. Они пытались вырваться, но у них не хватало боеприпасов и горючего. Ночами немецкие самолеты сбрасывали необходимое. Место нахождения окруженные обозначали сигнальными ракетами. Наши тоже пускали ракеты и перехватывали часть груза.

Для освобождения окруженных частей немецкое командование бросило в прорыв танки, но наши артиллеристы их не пропустили. Здесь Дима впервые ощутил мощь «Катюш». – «Жуть!»

На своем участке их рота не выпустила из окружения ни одного немца. В плен сдались более сотни немецких солдат.

НОЧНАЯ АТАКА

Полк развернули в направлении города Ровно. Погода скверная. Днем чернозем оттаивал. Дороги раскисали. Даже мины уходили вглубь, часто не взрываясь. Автомшины утопали в черноземной жиже. На сапогах налипали тяжёлые «лепешки». За ночь все это замерзло.

Теперь немцы в бой вступали реже. После наших

минометных и артиллерийских налетов спешно отступали, занимая оборону в отдельных селах.

Их роте было приказано ночной атакой освободить такое село. Под покровом ночи бойцы перешли пруд по колено в воде и с криками «Ура!» бросились в атаку. Немцы подожгли стог сена и деревянную церковь, открыли пулеметный и миномётный обстрел атакующих, серые шинели которых прекрасно были видны на только что выпавшем снегу. Атака захлебнулась. Пришлось залечь и открыть встречный огонь.

Рядом с Димой взорвалась мина. Он потерял сознание и очнулся только на рассвете. Вокруг тихо. Ноги одеревенели. Немного прополз и, увидев старичка, окликнул его. Узнав, что немцев в селе нет, попытался встать: в ушах зазвенело, ноги не слушались.

Дед и баба доволокли его до хаты. Еле сняли сапоги. Оказалось, что ноги обморожены до колена. Бабушка натерла их сырой картошкой и обмотала тряпками. Диму накормили жаренной на сале картошкой и уложили в постель. Он заснул и проспал 18 часов. Проснулся, бабушка опять накормила, и он снова уснул на 12 часов. «Пусть солдаты немно-о-го поспят...»

«Так закончилась моя боевая деятельность. Сам я подвигов не совершал, но вместе со своим взводом немцам пятки не показывал».

ГОЛОДОВКА И СЯТИТЕЛЬ ЛУКА

Вечером в хату зашел знакомый лейтенант из полевого медпункта полка, развёртываемого в селе. Он прислал санитаров с носилками, и те унесли Диму в медпункт. Врач осмотрел посиневшие конечности, медсестра смазала их чем-то и забинтовала. На другой день Диму вместе с другими ранеными погрузили в грузовик и отправили в сторону Киева, поскольку госпитали в промежуточных пунктах были переполнены.

В Киеве в феврале 1944 года врачи осмотрели Димины ноги, покололи иглками и, опасаясь гангрены, решили ампутировать.

«Я категорически возражал!»

Опять покрыли ноги какой-то мазью, забинтовали и поместили «бунтаря» в офицерскую палату.

«Начались ужасные боли, хоть кричи. Пройдет кто-нибудь мимо, шаркая тапочками, – будто по ногам. Перевернулся в кровати головой к проходу – стало легче».

Прошло три дня. Никто из врачей не подходит. Раненый лейтенант объявил голодовку!!! Для вы-

яснения причин пришел комиссар госпиталя и услышал, что молодому офицеру хотят отрезать обе ноги без его согласия!

«После беседы с комиссаром стали делать редкие перевязки. На одной из них я почувствовал, что ноги мои живы!!! Меня решили эвакуировать дальше в тыл. Погрузили в санитарный поезд и привезли в Тамбов».

Здесь повезло: попал в госпиталь к очень добрым внимательным людям. Особую материнскую заботу проявляла к нему главный врач госпиталя – врач «старой закалки», называя «сыном». Диме установили дополнительное питание. Больше двух месяцев он не вставал с ложа. Больно. Мёртвая кожа слезала, а раны не заживали. Главный врач пригласила на консультацию бывшего специалиста по пластическим операциям, протоиерея тамбовской епархии. После тщательного осмотра тот сказал, что сделает операцию, очистит ноги от омертвевших тканей, но без анестезии. Будет очень-очень больно – придется терпеть!

Диму привезли на операцию.

Доктор достал крест, перекрестил больного, что-то прошептал, и ... началось. Было так больно, что Дима сначала терпел, потом кричал, затем потерял сознание. Очнулся на своей койке в своей палате. Раны стали быстро заживать, появилась новая кожа.

Тогда-то он и поинтересовался, почему такой умелец служит священником. Ему поведали, что у доктора была любимая жена, которая тяжело заболела, и, несмотря на все меры, медицина ее не спасла. Тогда он отрёкся от медицины и ушел служить Богу. В период Великой Отечественной войны он, как истинный добропорядочный христианин, помогал лечить раненых.

«Позднее я узнал, с каким удивительным чело-веком свела меня судьба. Мой спаситель – святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) – профессор, философ, политзаключенный, прошедший ссылки, тюрьмы, пытки. Гениальный врач и талантливый проповедник, порой метавшийся между этими двумя призваниями».

Здоровье Димы улучшалось. Постепенно стал вставать и ходить. Для улицы ему выдали сапоги большого размера. Сёстры из ваты и марли сшили мягкие носки. Начал ходить с костылями. Затем их отбросил. Для разработки суставов делал парафиновые ванны, а затем в физкабинете крутил педали «велосипеда».

Выпросил у сестёр красный шнурок, булавы, старую простынку. Схематично нарисовал на ней

карту Западной Европы и шнурком с булавками обозначил линию фронта по сводке Совинформбюро. Далее регулярно передвигал шнурок согласно радиоизвестиям. «Карту» повесили на стене в коридоре госпиталя. Раненые были очень довольны!

ДОМОЙ

Пора выписываться. Прошел медкомиссию. Признали: «не годен к военной службе с переосвидетельствованием через шесть месяцев». Услышал по радио, что освобожден Петрозаводск, и, забрав документы, выехал домой, по дороге отоварил аттестат, получив много продуктов.

«Я ничего не знал о родных, а они обо мне. Не знал, где пребывали, вернулись ли домой? ...Вхожу в уцелевший родительский дом, родители и обе сестры, недавно вернувшиеся из эвакуации, от неожиданности онемели. Маме даже стало плохо...»

Справившись с волнением, мама сообщила о печальной судьбе младшего сына Шуры. В декабре 1942-го она проводила его из Вологды на Воронежский фронт. Оттуда приходили бодрые солдатские письма-треугольнички, а потом, как тысячи других, он безвестно сгинул в жуткой мясорубке кровопролитных боёв, и все дальнейшие попытки разузнать о сыне и брате оказались безуспешны.

В октябре 1944 года двадцатидвухлетний Дмитрий встал на учет в военкомате. Получил

книжку инвалида войны, военную пенсию, продуктовые карточки, паспорт. После двух недель отдыха пошёл искать работу в Управлении Кировской железной дороги. Диплом и трудовая книжка остались в МПС-29, к счастью, тут служил его однокурсник П.Н.Паничев, подтвердивший техническое образование Москалёва.

Дмитрий Александрович снова погрузился в «труд, очень тяжелый и ответственный», по восстановлению разрушенного войной и развитию путевого хозяйства Кировской Октябрьской железной дороги. Возглавляя различные участки этого важного дела, проявлял инициативу, изобретательность, профессионализм, настойчивость и принципиальность при решении постоянно возникающих проблем и трудностей. Многолетний безупречный труд почётного железнодорожника СССР продолжался до ухода на пенсию в октябре 1982 года. Но осталась многоаспектная увлекающая и освежающая общественная деятельность, радующая ветерана по сей день.

Вопреки скромной самооценке, вся огромная жизнь Дмитрия Александровича Москалёва, как и многих его современников, – сплошной Гражданский подвиг, обеспечивший существование последующих поколений и являющийся образцом служения Отечеству.

Станислав ПРОШУТИНСКИЙ

родился в 1938 г. в Петрозаводске.

Окончил физико-математический факультет КГПУ.

*С 1963 г. работал в области применения
вычислительных методов в экономике.*

Кандидат экономических наук.

Первый в карельском боксе чемпион России.

Спортивный журналист.

Публиковался в средствах массовой информации Карелии.

Лауреат нескольких конкурсов спортивных журналистов Карелии.

Живет в Петрозаводске.

